

**РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

УДК 94/99
ББК 63.3(2)6-4 + 63.3(0)62

Составитель - М.Ю. Сорокина

Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны / сост. М.Ю. Сорокина. — М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2021. — 228 с.: ил.

ISSN
ISBN

Основу настоящего сборника составили доклады, прозвучавшие в рамках Международного круглого стола «Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны» 15 мая 2020 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва). Они посвящены героической деятельности российских соотечественников-антифашистов в Югославии, Нидерландах, Италии, Франции и вводят большой массив совершенно новых архивных документов.

В оформлении обложки использован фрагмент вышивки матери Марии (Е.Ю. Скобцовой) "Победа над злом", созданный в 1944 г. в концлагере Равенсбрюк.

© Авторы, 2021
© М.Ю. Сорокина, составление, 2021
© М.Л. Львова, макет, обложка, 2021

Марина СОРОКИНА

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,
Москва, Россия
E-mail: msorokina61@gmail.com*

АНТИФАШИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ НА БАЛКАНАХ: К БИОГРАФИИ ПОЭТА АЛЕКСЕЯ ДУРАКОВА (1898–1944)

*Хочу истлеть в земле родимой,
Смирив пред смертью стыдный страх.
Пусть ветер в яркие долины
Перенесет мой тленный прах.
Алексей Дураков*

*Все уходит прочь из жизни,
кроме Памяти, не знающей разлук.
Мария Вега*

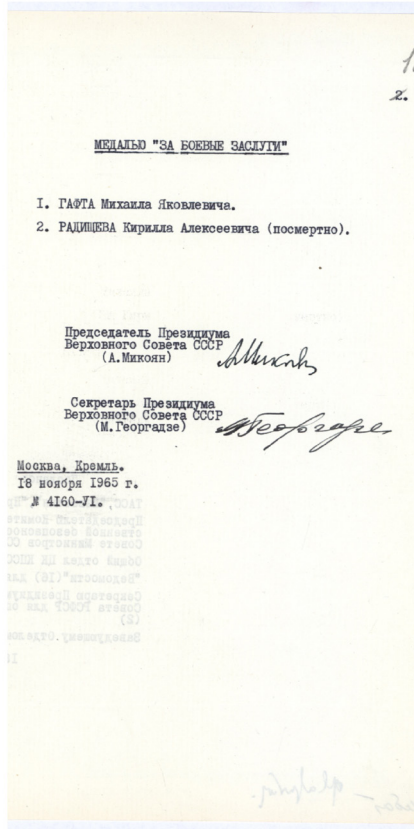
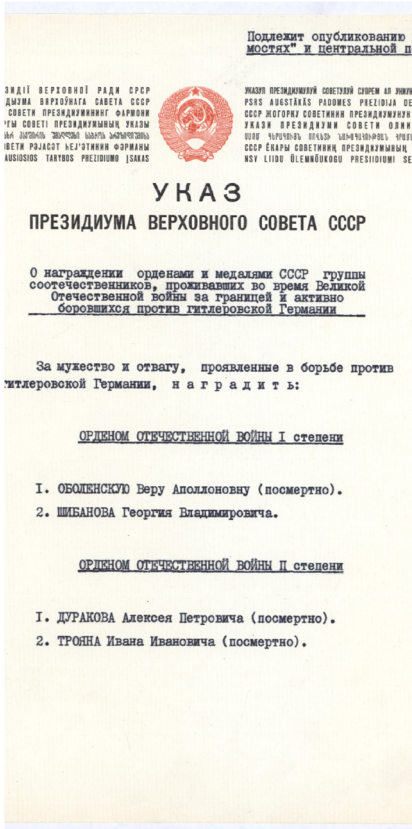
Участие «белой» русской эмиграции во Второй мировой войне — одна из наиболее дискуссионных проблем ее истории. Значительное большинство старшего поколения постреволюционных беженцев, тесно связанное с различного рода военно-политическими организациями русского зарубежья, рассматривало гитлеровское нападение на СССР, особенно на первоначальном этапе войны, как инструмент борьбы с большевизмом. Однако эмигрантская молодежь разной политической ориентации, выросшая и получившая образование уже в новом культурном и политическом социуме, приняла самое деятельное участие в антифашистском движении Сопротивления во многих странах Европы. Показательно, что сам термин «Сопротивление» (La Résistance) получил широкое распространение вслед за изданием летом 1940 г. во Франции одноименной подпольной газеты, выпускавшейся двумя молодыми этнологами российского происхождения, Борисом Вильде (1908–1942) и Анатолием Левицким (1909–1942).

Противостояние «коричневой чуме» XX века и совместная защита общих духовных и профессиональных ценностей часто объединяли русских беженцев и многих европейских интеллектуалов, персональные и групповые стратегии сопротивления которых в годы Второй мировой войны требуют новой исследовательской оптики и рефлексии, в том числе в контексте полемики о закате первой волны «русской эмиграции» к 1939 г.

Именно русские интеллектуалы бывшей Югославии, где была сосредоточена одна из самых больших и энергичных русских диаспор Европы, внесли существенный вклад в борьбу против нацизма и немецкой оккупации своей новой «зарубежной родины», как называла Сербию известный лингвист русского происхождения, член-корреспондент Сербской академии наук и искусств И.Г. Грицкат-Радулович [Грицкат 2017]. Однако в России, где в последние десятилетия фокус изучения практик русской эмиграции в Югославии периода Второй мировой войны, по очевидным причинам, сместился с анализа деятельности партизанских и прокоммунистических освободительных соединений на активности коллаборантов, в том числе чинов Русского охранного корпуса, их опыт остается мало известным. Только в самые последние годы появились исследовательские работы, на новых архивных материалах рассматривающие идеологию и разнообразные практики просоветски настроенной части русской эмиграции в межвоенной Югославии [Боровняк 2015; Ганин 2006; Ёхина 2015а; Ёхина 2015б; Ёхина 2017; Сорокина 2017; Тимофеев 2012; Тимофејев 2012; Тимофеев 2015].

Между тем, в числе первых шести русских эмигрантов, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 ноября 1965 г. награжденных советскими орденами «за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против гитлеровской Германии», был и представитель русского пореволюционного зарубежья в Королевстве Югославия – Алексей Петрович Дураков (1898–1944).

Появившийся на излете советской «оттепели» и приуроченный к празднованию 20-летия Победы, этот «юбилейный» Указ оказался знаковым во многих международных и внутренних контекстах. Приход нового поколения руководителей СССР – бывших фронтовиков – сопровождался возвращением дню

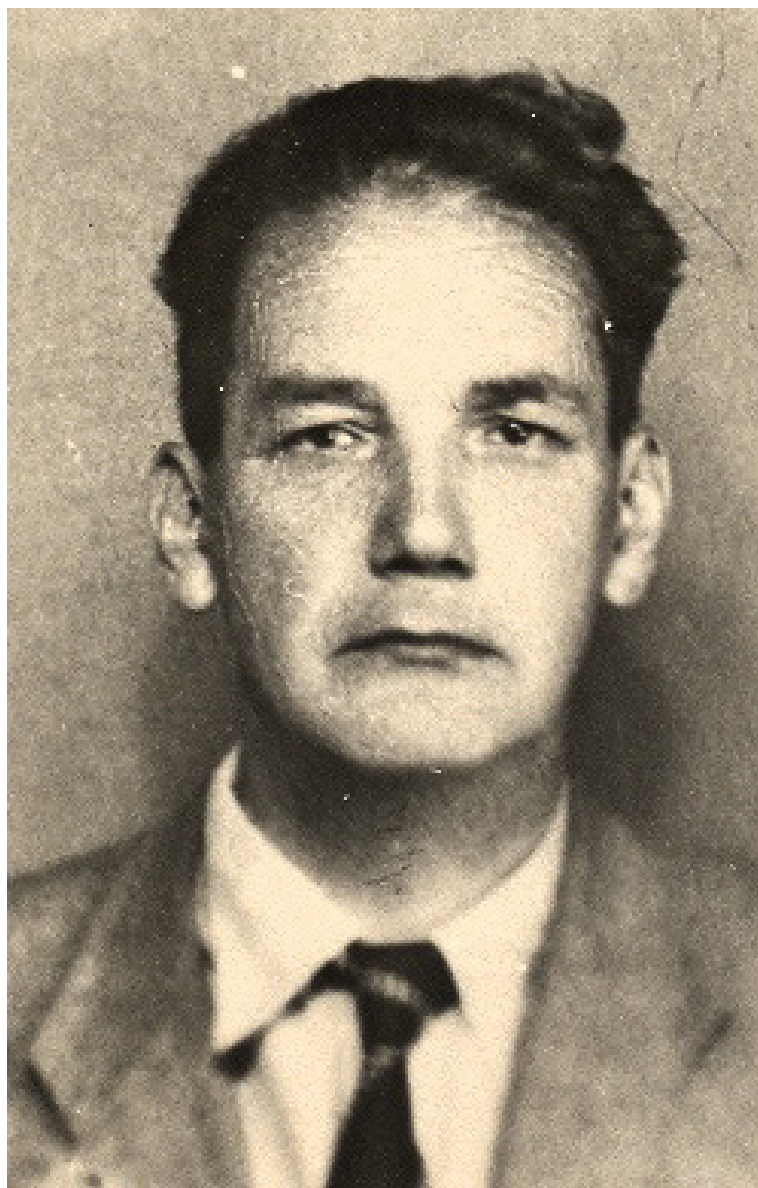

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР группы соотечественников, проживавших во время Великой Отечественной войны за границей и активно боровшихся против гитлеровской Германии. 18 ноября 1965 г. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 82. Д. 263. Л. 184, 185

9 мая статуса всенародного праздника. Тем самым в советском публичном пространстве было заявлено, что источником легитимности новой партийно-государственной элиты является уже не только и не столько становившаяся исторически далекой Революция, но прежде всего — участие в продолжавшей наполнять коллективное сознание советских людей Великой Отечественной / Второй мировой войне. Впервые после окончания память о войне выступила как общенациональный

символический ресурс и инструмент, одинаково важный как для политических и социальных практик власти и общества, так и для профессиональной и общественной исторической и философской рефлексии, инициировавшей новые образные доминанты советской вербальной и визуальной культуры (монументальной скульптуры, литературы, театра и кинематографа и др.).

В то же время Указ 1965 года закреплял некоторые итоги уже проделанной в годы правления Н.С. Хрущева работы по восстановлению связей с зарубежными соотечественниками и сшиванию общей истории «разделенного общества». После кончины И.В. Сталина многие эмигранты-«возвращенцы», ранее арестованные и / или препровожденные в «места отдаленные», получили возможность переехать в крупные города СССР и публиковать свои мемуары. Впервые широко заговорили и о русских участниках европейского Сопротивления в годы Второй мировой войны. Хотя первая в СССР научная статья об этом появилась еще в 1949 г. и принадлежала перу «возвращенца», а затем известного историка, доктора исторических наук М.М. Штранге (1907–1968) [Штранге 1949], именно с середины 60-х годов научные работы, посвященные движению Сопротивления, стали публиковаться регулярно и повсеместно. Новая историческая политика предлагала создание позитивного и жертвенного образа русского эмигранта, персонифицировавшего интегрированность СССР в европейское пространство, и советские средства массовой информации также стали работать в этом направлении. Так, в 1964 г. в одном из самых массовых советских журналов – «Огоньке» напечатали сценарий художественного фильма о подвиге Вики Оболенской (1911–1944), автором которого был известный кинодраматург, один из родоначальников киноленинианы, лауреат Сталинской премии и орденосец, А.Я. Каплер (1903–1979) [Каплер 1984]. Приглашение на главную роль французской кинозвезды первой величины – Марины Влади свидетельствовало о намерении создать международный кинобестселлер, обращенный одновременно к советской и зарубежной аудитории. И хотя проект не состоялся, сама его идея была очень характерна для того времени.

Илья Николаевич Голенищев-Кутузов. 1930-е годы

В том же тренде находился и цикл публикаций известного филолога-слависта, «возвращенца» Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова (1904–1969), посвященных роли молодого поколения русской эмиграции в югославском Сопротивлении. Мемуарные тексты бывшего активного члена Союза советских патриотов в Белграде были адресованы непосредственно русским эмигрантам всех поколений – читателям газеты «Голос Родины», издававшейся Советским комитетом по культурным связям с соотечественниками за рубежом [Голенищев-Кутузов 1963а; Голенищев-Кутузов 1963б; Голенищев-Кутузов 1963в; Голенищев-Кутузов 1965]. Одной из центральных фигур этих публикаций стал многолетний друг автора, поэт и партизан Алексей Дураков.

Вероятно, именно благодаря Голенищеву-Кутузову его имя и оказалось в списке награжденных в 1965 г. эмигрантов-сопротивленцев. Кто стал инициатором этой символической акции, как и по каким критериям отбирались персоналии первой шестерки эмигрантов, почему отмеченными оказались только эмигранты¹ во Франции и Югославии – вопрос очень интересный, но остающийся неисследованным.

Почти все русские эмигранты, представленные к советским наградам в 1965 г., уже были отмечены французскими орденами и, добавляя к ним свои государственные знаки отличия, советская власть как бы предлагала забыть былую непримиримость и признавала эмигрантов «своими». Реализации этого резонансного пропагандистского жеста не помешали ни разные политические взгляды награжденных, ни их гражданство и/или «непролетарское» социальное происхождение. Однако так многообещающе начинавшееся воссоединение зарубежной и советской России / СССР не состоялось – и в следующий раз об участии русских эмигрантов в антифашистской борьбе в СССР вспомнили на правительственном уровне только через десять лет (1976), а затем еще раз с началом эпохи «перестройки» и «нового мышления», когда 7 мая 1985 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР орденами и медалями была награждена новая немногочисленная

¹ Кроме А.П. Дуракова, орденов Отечественной войны I и II степени были удостоены Вера Аполлоновна Оболенская, Георгий Владимирович Шибанов, Иван Иванович Троян; медали «За боевые заслуги» – Михаил Яковлевич Гафт и Кирилл Алексеевич Радищев.

группа «русских французов»².

Несмотря на то, что Указ 1965 г. открывал исследовательские и издательские шлюзы для темы антифашистской борьбы русских эмигрантов в Европе, в том числе на Балканах, история единственного «не-француза» среди всех награжденных русских эмигрантов-сопротивленцев и единственного среди них поэта – Алексея Петровича Дуракова – минимально привлекала внимание и осталась мало известной как филологам, так и историкам.

Хотя писать стихи «наш Алекса», как называли поэта в Сербии, начал еще в России и с начала 20-х годов печатался во многих журналах и альманахах Белграда и Парижа, но при жизни не выпустил ни одного поэтического сборника. Творчество Дуракова не было отмечено ни литературными премиями, ни прижизненным признанием. И сейчас о нем вспоминают в основном в связи с изданной в Белграде в 1933 г. «Антологией новой югославянской лирики», где вместе с И.Н. Голенищевым-Кутузовым и Е.Л. Таубер он выступил как переводчик сербской поэзии.

Тем не менее в 20-30-е годы XX в. имя Дуракова получило некоторую известность в русских эмигрантских литературных кругах как своего рода посредника между поэтическими эпохами. Свою генеалогию он видел вполне определенно: «Мои учителя да будут Ломоносов, Державин, Пушкин, Боратынский, Тютчев и Вячеслав Иванов». И когда в 1928 г. в Белграде проходил

Обложка «Антологии новой югославянской лирики» (Белград, 1933)

² Орденом Отечественной войны были награждены Т.А. Волконская, Б.В. Вильде, А. Левицкий, Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария), медалью «За боевые заслуги» – Б.Б. Сосинский-Семихат.

Алексей Петрович Дураков
<начало 1920-х годов>

Первый съезд русских писателей и журналистов за рубежом и все ходили, по словам И.Н. Голенищева-Кутузова, «на поклон к Мережковским», не соблазнился один Дураков: «Я к Гиппиус, конечно, не пошёл, что мне у неё делать. Она всё ненавидит, а я всё люблю, она всё проклинаяет, а я всё благословляю, наконец, я хочу писать оды, а она, кажется, за свою жизнь не написала ни одной и вряд ли напишет”» [Переписка 1989].

К сожалению, архив А.П. Дуракова утрачен, известны буквально единичные документы

поэта; его знаменитая фотография в кителе морского училища, одна из двух вообще сохранившихся, часто атрибутируется другим лицам, а собранный после войны вдовой поэта Л.М. Дураковой-Иванниковой и его другом И.Н. Голенищевым-Кутузовым машинописный сборник стихотворений А.П. Дуракова многие десятилетия оставался неизданным.

Биография поэта и антифашиста также практически не изучена. До сих пор точно неизвестно, где он родился, как жил в эмиграции, как погиб³. Главным источником биографических сведений остается статья И.Н. Голенищева-Кутузова (1904–1969) «Поэт, борец, партизан». Опубликованная в ноябре 1963 г. в мало доступной в СССР газете «Голос Родины», она содержит и личные воспоминания друга поэта, и некоторые материалы к «сербской»

³ Так, например, известный эмигрантский генеалогический журнал «Новик» сообщал в 1946 г., что корабельный гардемарин Алексей Дураков расстрелян немцами в 1944 г. в Земуне [Новик 2011. С. 181].

части его биографии [Голенищев-Кутузов 1963б]. Отметим, что в Сербии не забывают А.П. Дуракова, и когда в 1981 г. к 100-летию существования гимназии во Вранье, где он преподавал, установили памятную доску в честь учеников и учителей, погибших в 1941–1945 гг., имя А.П. Дуракова было также выбито на ней [Боровняк 2015. С. 311].

В настоящей статье, опираясь на вновь выявленные архивные документы и опубликованные мемуары, мы попробуем восстановить некоторые биографические линии и контексты жизни Алексея Петровича Дуракова в эмиграции в Сербии, связанные в том числе с его антифашистской позицией.

В СМЯХ скитаний по свету я всюду возна с собой фотографию Юноши в форме гардемарина, да тот и довел ее до Москвы. Лишь морская на фотографии на редкость красива. Праздничная черта, но без радости, глаза грустные, рот едва приметно улыбнулся. Даже на фотографии Алексея Дураков производит впечатление «обыкновенного человека». Так оно и было на самом деле. Особенно правдивым было обличье этого высокого и прекрасного сложного человека были нежность и доброта, сочетавшиеся с непреклонной волей, которая проявлялась в трудные часы жизни. Я люблю его слушать — все так же и досадно он умел преобразить в живое и одухотворенное слово неистощимого юмора, никогда не переходящего в сарказм.

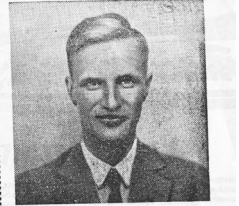
Алексей Петрович Дураков родился в Пензенской области в 1898 году. Его отец, обедневший дворянин, управлял урским заводом. Алеша учился в школе Борзиской юнкерского корпуса, а затем поступил в Морской флот.

Во время первой мировой войны он воевал вместе с другими гардемаринами во Владивостоке, побывав в портах Японии, Китая и Ирана. После революции Алеша очутился в Югославии в Белграде на дневном филологическом факультете университетов и стал учителем гимназии в одном из провинциальных городов Сербии. В Югославии в то время была довольно большая колония русских эмигрантов. Пробыв там несколько десятков с лишним лет, многие стали задавать себе вопрос: «А что же то жилось в Алексее Дураков? И если мы то ждали и бундующий — грядущий — мир — страны твои в том, чуждым рубежом — немцами или англичанами — удабы покончить с Советской властью? то заповедная твоя земля, и среди них был Алеша Петрович и его близкий друг» — «которые все отлетелие пониз

УДИВИТЕЛЬНО светлый образ талантливого поэта, милейшего человека и настоящего патриота Родины сохранился в памяти всех, близко знавших в эмиграции Алексея Петровича Дуракова.

Алексей Петрович был одним из тех русских эмигрантов, кто раньше многих осознал величие Октябрьской социалистической революции, ее значение для России и русского народа и всей душой принял ее идеи.

Наши сведения о жизни и творчестве поэта в эмиграции до последнего времени были довольно скудными. Вот что рассказал репатриант Илья Николаевич ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ, близко знавший поэта в течение многих лет жизни на чужбине.

Поэт, БОРЕЦ, ПАРТИЗАН

данности родной земле, Родина, за которую умно былся и ради которой можно умереть.

Их-за того, что Алексей Петрович разошелся с идеологическими установками белой эмиграции и открыто заявил об этом, имя его редко проходило в зарубежную эмигрантскую литературу. Если личность Алексея Дуракова доходила порой до читателя в сборниках и журналах, появлявшихся в Париже и Белграде, то его патристические стихи остались незамеченными, ибо они прямо говорили о любви поэта и Советской стране. В свои политические стихи поэт пропалывал подстилку советские покровители: Арсени (поэма «Арсени»), в стихотворении «Юля и Оля» в противовес эмигрантскому поповоинформационному, который хотел бы отдать вполном всю Сибирь дура, чтобы они помогли выгнать большевиков, поэт маршевым образом двух своих патристов — детей эмигрантов. Юноша с горячими глазами говорит поповоинформационным с Олей Отчину явру не дамим. В этом стихотворении поэт рисует красочную картину Дальнего Востока. Он видит советские пограничники, охраняющие речную границу Родины: «А где-то Амур величаво течет, в гдето-труба над Амуром поет... А за Амуром, еще на много тасится Беломорова, расклевывая зрелая птица... Гдица, и манюво ей принадлежат секина, так, что зоть и верес идает от нее, но душой своей с ней».

Бонный перем, писавший стихи, исходящие из глубинных тайников сердца — Алексей Дураков — человек и Борец

А теперь остается рассказать все, что мне известно о жизни поэта от его ареста в начале 1941 года до гибели в 1944 году. Гастро отплатил Алексей Петровича работать на фабрику в Бюрберг на полуресурсных условиях. Его жена, Любовь Дмитриевна, поспевала за ним добровольно. Весной 1944 года, получив на короткий срок отпуск, супруги приехали в Белград. В Германии они не знали подробности пребывания Алексея в фашистской Германии, о его жизни там, его творчестве. Но, зная его натуру, могу уверенно сказать: он вряд ли оставался там в тени, в борю с врагом словом и делом. Сразу после его приезда в Белград мне при помощи белградского подпольной организации «Союз советских патристов» удалось перобрать чету Дуракова на лес в Гем-славских партизан). Чтобы избежать неприятности тогда подполье среди югославских партизан). Чтобы избежать неприятности в начале августа 1944 года также отправился на лес. В нескольких десятках километров от Белграда на территории нынешней автономной области Воеводина, близ реки Сава, партизаны держали под своим контролем довольно значительную территорию. Леса было много, но вдоль дороги, соединяющих партизанские деревни, росли чащи кустарня. Нанцы и хорватские фашисты саботировали загляды чужой человекострой, их подчиняли засады, и пулеметные очереди смелили целые шеренги оккупантов. В борю с фашистами жились тысячи населения отряда, до велика. Партизанские отря-

скавские бригады и спускал, где могу найти товарища Алексея (как звали в отряде Алексея Петровича). Комиссар сказал мне спойноно: кто вчера убил на партизанам. И вида, что я погарски добавил: «И моего брата тоже». Я молча вышел из штаба.

На следующий день мне удалось разыскать на лесной опушке около реки Савы Любовь Дмитриевну. На ней была партизанская пилота с красной звездой, за спиной — немецкая трофейная винтовка. Она рассказала мне подробности.

За два дня до этого рано утром немцы стали переправляться через реку на партизанскую сторону. Алексей Петрович был в заставе, охранявшей рубеж. Пока подоспели главные силы, небольшие группы партизан сдерживали превосходящие силы фашистов, оказав им жестокое сопротивление. Когда наступил вечер, брат комиссара, был поражен непривычной пулей. Алексей Петрович, заняв его место, продолжал вести бой. На борю Савы осталось несколько десятков трутов фашистов, скопченных оружием партизанского пулемета. Здесь же лежал погибший смертун драбана отряда Петрович Дураков.

Во всем этом мне пришлось узак истинно русский патриот и борец и встречу смерть герою. Он Большевик и патристический офицер и великий человекострой, «портной антикоммунистический драбана с круглым лицом, юрочим новым мех разворающего слова».

На так их маство оружейный

Статья И.Н. Голенищева-Кутузова «Поэт, борец, партизан»
(Голос Родины (Берлин). 1963. № 64 (765). С. 6)

«Веселый мальчик белокурый»

Алексей Петрович Дураков принадлежал дворянскому роду, известному в Пензенской губернии с XVII века. Он родился 15 / 27 мая 1898 г. в обедневшей дворянской семье Петра Алексеевича Дуракова и жены его Анны Фёдоровны (урожд. Каменской)⁴.

Пензенские краеведы расходятся во мнениях о месте рождения будущего поэта. Одни считают, что он появился на свет в имении Дураково-Черкасское Керенского уезда, на северо-западе Пензенской губ. (ныне селе Луговое Вадинского района); другие называют то же имение, но находившееся в селе Черкасское (ныне Пачелмского района), где жила его богатая тетушка – вдова предводителя дворянства Керенского уезда баронесса Екатерина Алексеевна Штейнгель-Эспехо (урождённая Дуракова). Сам же А.П. Дураков писал, что родился в г. Керенск⁵, известном также как малая родина выдающихся русских ученых-лингвистов – академика Ф.И. Буслаева (1818–1897) и профессора Московского университета М.Н. Петерсона (1885–1962).

Так или иначе, но богатая литературная история Пензенского края, которая ассоциируется прежде всего с именами М.Ю. Лермонтова и А.И. Куприна, помнит и еще одно имя – известного писателя-белоэмигранта, главного редактора нью-йоркского «Нового журнала» Романа Гуля (1896–1986), чей отец, кадет и видный общественный деятель Пензы, дружил с отцом А.П. Дуракова. В романе «Конь рыжий» Гуль ностальгически вспоминал о родном для него и Алексея Дуракова городке Керенск: «Солнечная тишина, дед, балкон, керенская площадь, это и есть мое детство. Ехать из Керенска до железно-дорожной станции Пачелма долго, почтовым трактом пятьдесят семь верст, с двумя перепряжками. Но наконец из ржи всё-таки вырисовывается Черкасское с выстроенным на подобие замка, пестроокрасным домом барона Штейнгеля. Здесь тройка вскачь мчит тарантас по зеленым от травы улицам села, потому что лошади знают, что в Черкасском им перепряжка. Тихо жил Керенск. Вокруг города гнулись поля ржи, овса, проса. А когда

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6792. Картотека Д. Л. 2830 и об.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 3. Д. 606. Л. 1об. («Опросный лист» от 10 декабря 1920 г.). Название городка не имеет отношения к семье Керенских, хотя отец премьера Временного правительства Фёдор Михайлович Керенский родился в той же губернии.

ветер тянул с реки Чангара, Керенск наполнялся пряным запахом конопли» [Гуль Конь рыжий]. В другом автобиографическом романе «Я унес Россию» Гуль, который был всего на два года старше Алексея Дуракова, писал, что дружили не только их отцы, но – семьи и с некоторым удивлением отмечал: «Мой друг детства Лёша пошел добровольцем к югославским партизанам» [Гуль Я унес Россию].

В юношеские годы А.П. Дураков мог знать и других товарищей по будущей сербской эмиграции – например, учиться в одном классе 1-й Пензенской классической гимназии с будущим художником Иваном Шеншиным (1899–1944) или пересекаться с его братом, в будущем профессором-агробиологом Алексеем Шеншиным (1891–1954), или с Ильей Голенищевым-Кутузовым, который также был уроженцем Пензенской губернии. Однако вряд ли молодые люди были знакомы в пензенские годы, т.к. юный Алексей Дураков учился в кадетском корпусе в Симбирске, который окончил в революционном 1917 г. и поступил в Морское училище в Петрограде.

Уже 12 ноября 1917 г. юноша ушел в плавание на учебном судне, вспомогательном крейсере «Орёл», и позднее оказался в белых войсках Восточного фронта – в так называемой морской роте в Харбине, затем во Владивостоке, откуда с Морским училищем был эвакуирован в январе 1920 г. ввиду подхода красных войск. По свидетельству его приятеля, также гардемарина и эмигранта, а затем «возвращенца» из Франции Л.А. Майдановича, из Владивостока они шли по существу, неизвестно куда, с общим курсом на Европу [Бек-Софиев]. Побывав в Сингапуре, Индонезии и Индии, в августе 1920 г. суда оказались в Порт-Саиде (Египет), а затем начальник училища, капитан 1-го ранга М.А. Китицын повел их в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), в Дубровник.

Позднее А.П. Дураков писал в официальных документах, что приехал в КСХС «в отпуск» морем 12 августа 1920 г. через порт Груж, находившийся в 5 км от Дубровника⁶. По подсчетам историка А.Б. Арсеньева, через адриатические порты Мелине, Груж и Бакар в КСХС прошло около 20 тысяч белых русских эмигрантов [Арсеньев 2011]. Многие гардемарины и офицеры решили остаться

⁶ ГА РФ. Ф.Р-5942. Оп. 3. Д. 606. Л. 1 об.

1) Фамилия.	Дураков
2) Имя и отчество.	Александр Петрович
3) Чинъ или званіе.	Корабельный старшина
4) Годъ, мѣсяць, число и мѣсто рождения.	1898г. 15го мая (с.с.) г. Курскъ Губ. губерній
5) Вѣроисповѣданіе.	Православный
6) Образованіе (общее, военное и высшее).	Сибирскій Кадетскій Корпус Морское училище.
7) Специальность.	Военно-Морская.
8) Когда и гдѣ произведенъ въ первый чинъ и чьимъ приказомъ.	13авг. 1917г. Командиром Кадетской Мор. Ш. в Сибирском Кадетском Корпусе г. Иркутскъ в командирском
9) Въ какой части, учрежденіи или заведеніи служилъ до 25 октября 1917 г. [До большевистскаго переворота].	Въ Морском училище
10) Какую занималъ тогда должность.	Тардамарин
11) Былъ ли въ плѣну; когда попалъ и освобожденъ.	Не былъ.
12) Въ какомъ учрежденіи или заведеніи служилъ послѣ 25 октября 1917 г.	Въ Морском училище (находился въ Саратовском учрежденіи писаній)
13) Какую занималъ тогда должность.	Тардамарин
14) Когда и въ какую изъ Добровольческихъ армій вступилъ, въ какую часть и какую занималъ должность.	Въ Морскую Роту в. чир. Ладина 13авг. 1918г.
15) Сколько разъ раненъ и контуженъ.	Не былъ.
16) Гдѣ и когда произведенъ въ послѣдній чинъ и чьимъ приказомъ [№ приказа и число].	13авг. 1918г. Командиром Мор. Морск. училища в Сиб. Кор. Кадетск. Корпуса в Саратовск комъ Кадетскомъ
17) Причина пребыванія въ Сербіи [эвакуация, отпускъ или командировка и чьимъ это свидѣтельствуется].	Війтцеской виллеи в Війтцеск. надписью Командира Морского училища в восточнѣе сербск. владѣннхъ частяхъ

Опросный лист А.П. Дуракова. 10 декабря 1920 г. ГА РФ. Ф. Р-5942.

18) Семейное положение въ Сербіи.	Вдова
19) Откуда и когда выѣхали изъ Россіи и по какому маршруту.	Изъ Николаева въ морские 31 января моремъ.
20) Когда прибыли въ Сербію и черезъ какой погранич. пунктъ.	12 августа Гречка (морем)
21) Какого рода имѣть сербскую визу [транзитъ, конечную].	Срѣчка
22) Адресъ въ Сербіи.	Гречка. 14.
23) Все документы воинскіе и гражданскіе. [№ №]	Войсковой билетъ № 9, Военно-спаски паспортъ Заграничный № 2305.
24) Изъявилъ ли желаніе отправиться въ Русскую армию.	

Все пункты писать самъ составители вѣрно что своей подписью и свидѣтельствомъ

Кор. Гад. Дураков.

10 декабря 1920 г.

ОТМѢТКА РЕГИСТРАЦИОННАГО СТОЛА.

На какой день казначею свидѣльствованіе медиц. комиссіей

..... 1920 г.

Результатъ свидѣльствованія медиц. комиссіей:

..... Свидѣтельство №

Срокъ выѣзда въ Армію въ составъ группы №

не позже " " " " 1920 г.

Для какой цѣли отправляется:

.....

Завѣдующій регистраціей и отправкой

Регистраторъ

Сидоровъ М.И.

в Королевстве и были распределены в русские кадетские корпуса в Сараево, Билече и Белой Церкви, а другая часть направлена по университетским городам – в Белград, Любляну, Загреб.

Алексей Дураков «был нами, гардемаринами, – вспоминал Майданович, – очень любим – хороший товарищ, красивый, умный, отличный строевик, но он обладал недостатком Нельсона – в море его укачивало» [Бек-Софиев]. Возможно, это и объясняет, почему молодой человек быстро покинул военно-морскую службу и в октябре 1921 г. поступил на философский факультет Белградского университета⁷.

О студенческих годах русской эмигрантской молодежи в Белграде оставил воспоминания известный литератор Юрий Бек-Софиев (1899–1975) [Бек-Софиев]. В 1921 г. он приехал в Белград, где встретился с А.П. Дураковым и И.Н. Голенищевым-Кутузовым. Здесь, в студенческом общежитии, и возникла их дружба, продлившаяся всю жизнь. Как всякие студенты, они жили весело, беспечно и бедно, но это никого не угнетало. Студенческого пособия хватало не только на то, чтобы прокормиться, но и на «глиняный кувшин сухого сербского вина», и на чашечку «черного турецкого крепкого кофе» [Бек-Софиев]. Параллельно Алексей Дураков подрабатывал на стройке, на ткацкой фабрике, в депо и получал небольшие ссуды от югославской Государственной комиссии по устройству русских беженцев⁸.

«Стройный, высокий красавец, блондин, с военной выправкой, с очень тонким удлинённым лицом, с прямыми, аккуратно подстриженными, невьющимися волосами, расчесанными на самый банальный пробор, – так описывал Бек-Софиев своего друга Алексея Дуракова. – Ничего не было пошлого, искусственного, фальшивого. Он был прост, сиял жизнедеятельностью, очень живой и подвижный, но становился несколько экзальтированным, как только дело доходило стихов. Стихи свои и в особенности любимых поэтов он мог читать при любых условиях. Мы очень быстро сошлись, обнаружив во многом сходство взглядов и вкусов» [Бек-Софиев].

Молодых людей объединял и общий учитель – «профессор Е<вгений> В<асильевич> Аничков был не только

⁷ ГА РФ. Ф.Р-6792. Картотека Д. Л. 2830-2830 об., 2832.

⁸ Там же.

15
ПРОБЕЖНО

СЕРБСКАЯ ЭВАКУАЦИЯ.

2838

Фамилия Дураковъ
Имя и отчество Алексѣи Петровичъ

Число лицъ семьи

возрастъ 23.

званіе, профессія гардемаринъ

при немъ находятся:

~~(Ссуд. в. 9. 24/02. 217.)~~
Дир. № 9. 6007

отмѣтка объ инвалидности

отмѣтки о выдачѣ ссудъ и пособій

январь 1920 г.	сентябрь	май 240 едм. 1/170.	январь 1922 г. 200-6038.
февраль	октябрь	іюнь 240-5724	февраль 200-6372
мартъ	ноябрь	іюль 240-5943	мартъ 200-530-6702
апрѣль	декабрь	августъ 240-6184.	апрѣль 200-7060
май	январь 1921 г. числ ст. 18	сентябрь 240-6434	май -7509.
іюнь	февраль	октябрь 240-6499 60-6848	іюнь -7893
іюль	мартъ 120 едм. 1/170.	ноябрь 400-7052	іюль -8254. -8286.
августъ	апрѣль 240 едм 1/170.	декабрь 400-7356	августъ -8588.

Х/ С.М. н.р. ч.д.м. № 125

Карточка А.П. Дуракова на получение субсидий. 1921 г. ГА РФ. Ф. Р-6792. Карточка Д. Л. 2830

нашим университетским учителем, скоро у нас сложились с этим чудаковатым, великодушным стариком очень простые, искренние, сердечные и дружеские отношения. Старик жил за городом, в дачной местности Топчидер, снимая там маленький домик с садом. Жил он одиноко, ждал дочку, которая должна была приехать из Америки. Чудесный, по-русски гостеприимный хозяин, он принимал нас очень мило и запросто, как своих близких родных. Зная наши пустоватые студенческие желудки, он нас постоянно подкармливал, и мы, хотя и со стыдом, но все же на это соглашались, так как деваться нам было абсолютно некуда. <...> Евгений Васильевич был хорошо светски воспитан и потому всегда держался естественно и просто. Любил нам рассказывать о Блоке, о Вячеславе Иванове, о его "башне" и множество веселых литературных анекдотов. Мы, конечно, слушали, развеса уши! Аничков был сложным и противоречивым человеком. Но что было для нас бесспорным – это сияние его большого человеческого сердца. <...> Вообще, он был большой оригинал. <...> Живя в эмигрантской белградской среде, объявить себя социалистом было с его стороны и смело, и мужественно, потому что за это жестоко травили в русском обществе и в прессе» [Бек-Софиев]. Особенно отличалось суворинское «Новое время», называвшее профессора большевиком и советовавшее ему ехать обратно, в Советскую Россию.

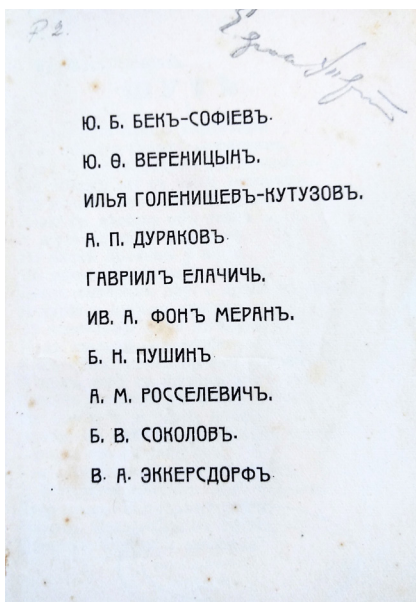
Но Аничков и не думал прислушиваться к этим раздраженным советам – на Балканах у него было много поклонников, учеников, коллег. А в Белграде, еще в 1921 г., вокруг него сложился кружок молодых литераторов «Гамаюн», ставший первым русским эмигрантским поэтическим объединением королевской столицы⁹. Инициатором создания и руководителем кружка был И.Н. Голенищев-Кутузов, членами – в основном студенты Белградского университета: Ю.Б. Бек-Софиев, А.П. Дураков, Ю.Ф. Вереницын, И. фон Меран, Б.Н. Пуцин, А.М. Росселевич, Б.Ф. Соколов, Е.Л. Таубер, В.А. Эккерсдорф.

Сегодня большинство этих имен мало известны даже филологам. Но в 1924 г., когда кружком был издан поэтический

⁹ Свое название кружок получил по стихотворению А.А. Блока «Гамаюн, птица вещая» (1899), в котором молодые люди находили «отзвуки своей изгнаннической судьбы и трагических событий в России».

Обложка сборника «Гамаяунъ».
Экз. Библиотеки ДРЗ

Список участников сборника
«Гамаяунъ». Экз. Библиотеки ДРЗ

сборник «Гамаяун — птица вещая», оформленный молодым, а в недалеком будущем очень известным, художником и сценографом Владимиром Жедринским (1899–1974), появление книжечки сразу заметили в русской эмигрантской прессе. «Белградское суворинское “Новое время” обрушилось на нас с Ильей <Голенищевым-Кутузовым> за “футуризм и заумь”, хотя футуризмом там и не пахло! — вспоминал Ю. Бек-Софиев. — Обрушилось с ядовитым сарказмом и иронией. <...> тогда мы с Ильей были счастливы, что Суворин наши стихи обругал. Тем более, что профессор Аничков к ним отнесся вполне милостиво. Дуракова и Елачича они снисходительно потрепали по плечу. А “наиболее обещающим” был объявлен некий поэт, особенно рьяно ратовавший за “колокольный звон”, “березки” и “Воскресение России под двуглавым орлом”» [Бек-Софиев].

Несмотря на успех сборника, кружок довольно быстро распался и в сентябре 1924 г. Алексей Дураков решил перебраться в Прагу (Чехословакия) для занятий славянской филологией. Сохранилось его заявление в правление Союза русских студентов

Белградского университета от 2 сентября 1924 г. с просьбой о помощи в этом перемещении¹⁰. Правление поддержало его просьбу¹¹, а профессор Е.В. Аничков написал рекомендацию: «Свидетельствую, что Алексей Петрович Дураков состоит на 6-м семестре Белградского университета по 16-й группе. Из очередных экзаменов им сдана история сербской словесности. Живо интересуюсь проблемами истории и, сам поэт, естественно тяготеет к истории литературы, что в Карловом университете будет иметь возможность проработать продуктивнее, чем здесь. Хорошо и близко зная Алексея Петровича, особенно горячо поддерживаю его кандидатуру на стипендию в Карлов университет, потому что много раз и по разным поводам имел возможность убедиться в серьезности и добросовестности его отношения к университетскому преподаванию. И мне хотелось бы подчеркнуть в заключение, что в наши тяжелые времена именно такие несомненно талантливые молодые люди должны быть всячески поддерживаемы в своих стремлениях к образованию как залог нашего будущего возрождения. Проф. Аничков»¹².

Однако переезд в Прагу по неизвестной нам причине не состоялся. Тем не менее в 1925 г. Белград покинули многие кружковцы. С одной стороны, они искали работу и заработок, а с другой, бежали от затхлой, по их мнению, атмосферы русского монархического Белграда, жившего старыми идеалами и представлениями.

Илья Голенищев-Кутузов женился и уехал служить преподавателем гимназии в Никшич (Черногория), затем был переведен в Дубровник, где оставался до конца 20-х годов. Юрий Бек-Софиев, называвший Белград «мракобесным центром русской эмиграции», чтобы попасть во Францию, подписал контракт на тяжелые земляные работы в Оверне. Алексей Дураков несколько раз прерывал учебу в Белградском университете и только в 1930 г., при содействии все того же Е.В. Аничкова, завершил образование в филиале университета в Скопье (Македония) и до начала Второй мировой войны жил в городке Вранье на самом юге Сербии, где

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 162. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 29.

¹² Там же. Л. 35-36.

20

Прошение Правлению Союза Студентов
Белградского Университета

Ввиду отсутствия в Правлении предло-
жений от Чешского Студентства
взять несколько студентов Белград-
ского Университета, как стипендиатов
Чехо-Словацкой Республики, покорнейше
прошу оказать мне следующие две
записки на одну из вышеуказанных
стипендий. Я студент Высшего
экономического Белградского Ун-та, стар-
шего курса (имя Бемислов) сдал
1 экзамен по Истории Венгрии и
Турции (р.с.) Не имея возможности предл-
жить мне образование здесь, так как
всем из насало мое материальное
положение довольно сложное, а сумма там-
наше около Югос. Сремени же
Я покорнейше прошу не отказывать в
моей просьбе и помочь устроиться
в стране, где у меня закончил мой
заказчик (мои специальные яв-
ления, малую долю деловой и интел-
лектуальной) и наилучшей задуманной работы
и тем самым подготовиться к
школе для получения ученой степени

Студ. Эконом. фак. Алексей Дураков
22 сент. 1924 г. Белград.

Прошение А.П. Дуракова Правлению Союза студентов Белградского
университета. 2 сентября 1924 г. ГА РФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 162. Л. 22

преподавал в местной гимназии¹³.

Вранье был не просто старинным поселением на границе Сербии и Болгарии, но важным логистическим пунктом транспортной магистрали, связывавшей венгерский Будапешт, македонское Скопье и греческие Салоники. Именно сюда поначалу привозили многих русских белых эмигрантов, прибывавших пароходами из Салоник, а затем уже распределяли по другим югославским городам. Вранье был и одним из центров русской казачьей эмиграции – здесь до 1926 г. был расквартирован штаб бывшей Кубанской дивизии во главе с генерал-майором В.Э. Зборовским и создана Враньская кубанская станица. Конечно, казаков отправили сюда не случайно – их саперные полки были причислены к штату Министерства строительства и прокладывали стратегическую дорогу Вранье – Босилеград, впоследствии названную «Русский путь».

Но для Алексея Дуракова, по-видимому, было важнее другое – совсем рядом, в Скопье, преподавал Евгений Васильевич Аничков, который по-прежнему притягивал к себе молодых людей

Гимназия во Вранье. Почтовая открытка

¹³ Д. Боровняк сообщает, что он также работал в эти годы учителем в Куршумлии и Лесковце [Боровняк 2015. С. 308].

не только с поэтическими и научными амбициями, но и левыми взглядами. Так, в январе 1935 г. у Аничкова в Скопье Дураков познакомился с другим молодым русским эмигрантом – Дмитрием Ошаниным (1907–1978), в недалеком будущем выдающимся психологом, философом и поэтом.

*Дмитрий Ошанин (крайний справа). 1932 г.
Архив семьи Ошаниных, Франция*

Несмотря на то, что он занимался в Сорбонне (1926–1928) и окончил в 1931 г. философский факультет Белградского университета, Ошанин служил простым гимназическим учителем в Скопье и Штипе. В 1938 г. он с отличием защитил в парижской Сорбонне докторскую диссертацию «Сопереживание и три его аспекта», а в 1939 г. нострифицировался и получил докторскую степень Белградского университета. Так в сербско-македонской «глуши» выросло европейски образованное молодое поколение русской эмиграции – но с иной, чем у отцов, повесткой дня и видением мира.

Начиная с 1936 г. Дмитрий Ошанин, как и И.Н. Голенищев-Кутузов, также в 1933 г. защитивший докторскую диссертацию в Сорбонне, неоднократно предпринимал безуспешные попытки получения советского гражданства и ходатайствовал о

возвращении на родину. Неудивительно, что в 1941 г. в Белграде оба они вошли в состав подпольной эмигрантской антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП)¹⁴. И.Н. Голенищев-Кутузов вспоминал позднее об этом времени: «В поисках “новых решений” политических вопросов некоторые молодые эмигранты в тридцатых годах восприняли фашистские теории разных мастей и оттенков. Другие стали склоняться влево. Они воспринимали идеи социализма, записывались в рабочие синдикаты, читали советскую литературу без предубеждения... Все чувствовали, что надвигаются грозные события. Следовало заранее решить, на чьей стороне ты будешь, когда разразится война. На политических и литературных собраниях эмигрантов стали выступать молодые люди, заявлявшие, что они будут защищать Россию с оружием в руках» [Голенищев-Кутузов 1963а. С. 6].

Членом ССП стал и Алексей Дураков. По не подтвержденным пока документально сведениям, он даже был членом находившейся с 1920 г. под запретом Коммунистической партии Югославии. Рассказывают, что левые политические взгляды Дуракова прямо отразились в его поэтическом творчестве: поэма «Аргонавты» так воспевала подвиг советских покорителей Арктики, что ее едва удавалось пристроить в малотиражный журнал, а стихотворение «Коля и Оля», написанное в очень позитивном по отношению к СССР ракурсе, не взялась печатать

¹⁴ В 1939—1941 гг. Дмитрий Ошанин вновь преподавал в гимназиях Скопье и Штипе. С 1941 г., в связи с присоединением Македонии к Болгарии, был отправлен учителем немецкого языка и психологии сначала в г. Бя-ла-Сла-ти-на, а затем в г. Пловдив (Болгария). В 1945 г. переехал в Софию. Преподавал русский язык в Военной академии и Военном народном училище им. Василя Левского. С 1946 г. преподаватель психологии в Софийском высшем институте физкультуры им. Г. Димитрова, где создал психологическую лабораторию, а затем и первую в Болгарии кафедру психологии и стал ее заведующим. Заместитель директора Института педагогики Болгарской академии наук по научной работе (1952—55). В 1946 г. в Болгарии получил советский паспорт. В 1955 г. репатриировался с семьей в СССР. Отправлен в Ростовский мясо-молочный совхоз № 2 (станция Злодейская Кагальницкого района), откуда был вызван в Москву. В 1960 г. возглавил лабораторию психологии труда Института психологии Академии педагогических наук РСФСР. В 1974 г. читал лекции в Сорбонне и в СССР не вернулся. Благодарю за фотографии и эту информацию, подготовленную для нашего сайта «Некрополь российского научного зарубежья» (www.russiangrave.ru), сына психолога, В.Д. Ошанина.

даже «самая непритязательная к авторам газетенка» [Лыба 1990]. Более того, по словам того же автора, чердак квартиры Дуракова «превратился в тайное хранилище запрещенных королевской властью книг и других печатных материалов» [Лыба 1990]. Трудно сказать, насколько эти сведения соответствовали исторической правде, но то, что к концу 30-х годов Алексей Дураков разделял просоветские настроения части эмигрантской молодежи, вряд ли подлежит сомнению.

После оккупации Югославии Германией в апреле 1941 г. вместе с женой, Любовью Михайловной Лещук, он сразу включился в антифашистскую борьбу как член Союза советских патриотов. До недавнего времени история этой организации была почти неизвестна, о ней не упоминалось ни в научной, ни в художественной литературе. Публикация А.Ю. Тимофеевым «Меморандума» о деятельности ССП показала, что его первое собрание состоялось уже в июне 1941 г., когда была принята резолюция о немедленном сотрудничестве с коммунистическими партиями Югославии и Болгарии [Москва – Сербия 2017. С. 895].

На этом заседании, согласно «Меморандуму», присутствовали Алексей и Любовь Дураковы, Дмитрий и Елена Ошанины, а также Илья и Ольга Голенищевы-Кутузовы. Последний вступил в ССП по приглашению Ф.Е. Высторопского, у которого, по воспоминаниям Голенищева-Кутузова, на дому хранилась не только одежда для переодевания освобожденных советских военнопленных, которые затем переправлялись в партизанские отряды, но и «карты окрестностей Белграда, Воеводины и Сербии, карты бывшего югославского Генерального штаба (вероятно, из запасов Махина) для определения немецких опорных пунктов и дорог. Было и оружие...» [Голенищев-Кутузов 1963в. С. 6].

Члены Союза русских патриотов распространяли листовки и воззвания, ездили по различным городам Югославии, бывали и в Болгарии. В начале ноября 1941 г. И.Н. Голенищев-Кутузов был арестован и вместе с группой профессоров Белградского университета как заложник был отправлен в концлагерь «Баница» в одноименном пригороде Белграда, где сидел в одном бараке вместе с известным сербским филологом, председателем Сербской академии наук и искусств Александром Беличем (1876–1960). Алексей Дураков также трижды арестовывался и сидел в

тюрьмах при всех режимах – у болгарских фашистов, недичевцев, немцев. Его антифашистская деятельность отслеживалась и упоминалась в сообщениях Управления государственной безопасности оккупированной Югославии [Боровняк 2015. С. 308, 311].

Осенью 1943 г. А.П. Дураков был вновь арестован и отправлен на принудительные работы в Германию, на заводы Нюрнберга. Супруга добровольно последовала за ним и в апреле 1944 г. ей удалось добиться краткосрочного отпуска для лечения мужа, потерявшего чуть ли не двадцать килограммов веса. После возвращения в Белград при содействии все того же И.Н. Голенищева-Кутузова Дуракова сразу перебросили на партизанскую территорию – в Посавскую партизанскую бригаду в Воеводине, где он недолго служил наводчиком фрушкогорского отряда. 12 августа в 1944 г. в бою на переправе через р. Саву у села Прогар, западнее Белграда, Алексей Петрович Дураков погиб, прикрывая отступление своего отряда.

Об обстоятельствах его гибели И.Н. Голенищев-Кутузов сообщал: «Однажды я пришел в штаб Посавской партизанской бригады и спросил, где я могу найти товарища Алекса (так звали в отряде Алексея Петровича). Комиссар, сдерживая волнение, сказал мне: “Его вчера убили на переправе”. И видя мое потрясение, добавил: “И брата моего тоже...”. Я не помню, как тогда вышел из штаба. Наследующий день мне удалось на лесной опушке, около реки Савы, разыскать Любовь Дмитриевну¹⁵. На ней была партизанская пилотка, за спиной – немецкий автомат. Она рассказала мне подробности. За два дня до этого немцы предприняли попытку переправиться через реку. Алексей Петрович находился в заставе, охраняющей подступы к партизанской базе. Пока подоспела подмога, небольшая группа партизан, в которой находился Алексей Петрович, с трудом сдерживала карателей. Когда пулеметчик, брат комиссара, был убит, за пулемёт лёг Алексей Петрович. Ни одному гитлеровцу не удалось переправиться через реку. Все подходы к Саве были усеяны трупами карателей. А в неглубоком окопчике, сжимая “Дегтярев”, лежал Алексей Петрович...» [Голенищев-Кутузов 1963б]. Хорошо знавший Дуракова художник комикса

¹⁵ Ошибка памяти: супруга А.П. Дуракова – Любовь Михайловна.

Ю.П. Лобачев, также член ССП, в своих мемуарах посвятил немало места последнему бою поэта, уточнив, что он получил «семнадцать ранений» [Лобачев, 1997. С. 176].

О героической смерти Алексея Дуракова его друзья вспоминали и в октябре 1944 г. в освобожденном Красной армией Белграде на встрече членов ССП в Русском доме: «Председательствовал Лебедев¹⁶, который говорил о погибшем на фронте товарище Дуракове, поэте. После него Кутузов прочитал несколько новых стихотворений, а потом Заболоцкий прочитал короткий доклад о материализме. Ведущую группу составляли Лебедев и Кутузов. Последний особенно выделялся своей надменностью и разгуливал с винтовкой на плече. Он был одет в партизанскую форму» [Тимофеjev 2012. С. 270–271].

Еще одно яркое свидетельство об этой встрече оставил поэт Борис Слуцкий (1919–1986), в то время политработник и майор Красной армии, находившийся в Белграде. В своих «Записках о войне», опубликованных только спустя много лет после его кончины, в 2005 г., он поведал про общение с просоветски настроенными русскими белградцами и, в частности, с И.Н. Голенищевым-Кутузовым, в главе с характерным названием «Белогвардейцы».

«По графскому приглашению¹⁷, – писал Слуцкий, – я побывал на первом легальном собрании ССП. Оно было посвящено участию в октябрьской демонстрации и организации праздничного вечера. Собирались понемногу. Кучка людей – пятьдесят-шестьдесят человек – терялась в коридорах Русского дома. <...> Эти люди не напомнили мне ни один из вариантов интеллигентских сборищ в Советской России. Сдержанность, ощущение старой

¹⁶ Медик Владимир Александрович Лебедев (1906-1990) был одним из организаторов и руководителей Союза советских патриотов. Служил в Югославской армии, майор медицинской службы (1944-1948). Получил советское гражданство (1946). Арестован и осужден в ходе публичного показательного процесса (1951) над группой советских граждан из числа бывших эмигрантов. Отбывал заключение в тюрьме на острове Голи-Оток. Освобожден (1955), вернулся в СССР (1956), жил с семьей в Астрахани. Врач, затем главный врач Астраханского областного туберкулезного диспансера. Скончался в Москве.

¹⁷ То есть по приглашению Ильин Николаевича Голенищева-Кутузова, с которым Б.А. Слуцкий провел вместе немало времени в Белграде. «За всю войну только с ним и пришлось по-московски побродить по улицам, почитать стихи», – признавался он [Слуцкий 2005. С. 133].

культуры заставляли отвергнуть и сопоставление со сходками народовольцев. Скорее всего, это были декабристы, декабристы XX века. Преобладание дворянского, присутствие офицерского элементов усиливали впечатление. Около восьми часов доктор Лебедев поднял руку, открывая собрание. Все встали без приглашения.

– Прежде всего я хочу представить вам нашего дорогого гостя Бориса Слуцкого, майора гвардии. –Я поклонился, отвечая на аплодисменты. –Хочу рассказать ему о нашей борьбе, о наших мучениках.

На глазах у Лебедева выступили слезы. В зале неутешно зарыдали. В упор на меня смотрела Маша Дуракова, вдова врангелевского офицера¹⁸, поэта, партизана-пулеметчика...» [Слуцкий 2005. С. 135–136].

Описанная Слуцким сцена встречи поэтов из разных идеологических и социальных галактик, наверное, могла бы венчать «крутой» телевизионный сериал, символизируя воссоединение разорванного гражданской войной народа, однако в жизни все было прозаичнее и будничнее. Справка «О русской белой эмиграции в Югославии», подготовленная Посольством СССР в Югославии 27 ноября 1945 г. для Наркомата иностранных дел в момент подготовки политического решения о возможности возвращения эмигрантов на родину, сухо констатировала: «Неплохо себя проявила оставшаяся на территории Югославии русская эмигрантская молодежь. Многие из них активно помогали Красной Армии после ее вступления на территорию Югославии. <...> Многие из числа русской эмигрантской молодежи пожертвовали жизнями в борьбе с немецкими захватчиками (Одишелидзе Илья, Дураков Алексей, Новохатный Анатолий, Ефимовский Андрей, Липский Александр, Подстроцкий Борис и др.)»¹⁹.

Понадобилось еще столетия, чтобы их имена вспомнили на родине... Несмотря на посмертное награждение, место захоронения Алексея Дуракова затерялось и остается

¹⁸ Ошибочно. А.П. Дураков никогда не служил под командованием П.Н. Врангеля.

¹⁹ Документ из собрания Архива внешней политики МИД РФ был представлен на документальной выставке в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в мае 2015 г.

неизвестным до сих пор, а советский орден поэта так и не был передан его семье.

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньев 2011 – *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Дубровнике // ЕВРОПА: Международный альманах. Вып. X. Тюмень, 2011. С. 75–140.

Бек-Софиев – *Бек-Софиев Ю.* Синий дым (URL: https://coollib.net/b/253696-yuriy-borisovich-sofiyev-siniy-dyim/read#n_2 (дата обращения: 25.07.2020)

Боровняк 2015 – *Боровняк Дж.* Русская интеллигенция в Белграде и борьба против немецкой оккупации Югославии // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 305–327.

Ганин 2006 – *Ганин А.В.* Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58.

Голенищев-Кутузов 1963а – *Голенищев-Кутузов И.Н.* Думы в канун Октября // Голос Родины (Берлин). 1963. № 63 (764). С. 6.

Голенищев-Кутузов 1963б – *Голенищев-Кутузов И.Н.* Поэт, борец, партизан // Голос Родины (Берлин). 1963. № 64 (765). С. 6.

Голенищев-Кутузов 1963в – *Голенищев-Кутузов И.Н.* Подвиг Федора Высторопского // Голос Родины (Берлин). 1963. № 68 (769). С. 6.

Голенищев-Кутузов 1965 – *Голенищев-Кутузов И.Н.* Награды за мужество // Голос Родины. Берлин, 1965. № 94 (943). С. 1

Грицкат 2017 – Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста И.Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» (1929–1944) // Москва – Сербия; Белград – Россия: сб. док. и матер. / авторы-сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. М.; Белград, 2017. Т. 4. С. 197–220.

Гуль Конь рыжий – *Гуль Р.* Конь рыжий (URL: <https://www.litmir.me/br/?b=11280&p=1> (дата обращения: 25.07.2020)

Гуль Я унес Россию – *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. 1. Ч. 1 (URL: http://www.dk1868.ru/history/gul1_1.htm (дата обращения: 25.07.2020)

Ёхина 2015а – Ёхина Н.А. «История русского Сопrotивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015. М., 2015. С. 174–205.

Ёхина 2015б – Ёхина Н.А. «На чьей стороне ты будешь, когда разразится война»: к истории Союза советских патриотов в Белграде» // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14-15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 203–237.

Ёхина 2017– Ёхина Н.А. «Погибшие с живыми пребывают...»: И.Н. Голенищев-Кутузов об эмигрантах – членах Союза советских патриотов в Югославии, погибших в годы Второй мировой войны» // Люди и судьбы Русского Зарубежья / отв. ред. А.Б. Ефимов, Е.М. Миронова. Вып. 4. М., 2017. С. 191–205.

Каплер 1984 – Каплер А. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1984.

Лыба 1990 – Лыба С. Это было под Савой // Советская молодежь. 1990. 26 апр. (URL:http://archives.kgsu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3045&Itemid=2Это было под Савой (дата обращения: 25.07.2020))

Москва – Сербия 2017 – Москва – Сербия; Белград – Россия: сб. док. и матер. / авторы-сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. М.; Белград, 2017. Т. 4.

Новик 2011 – Генеалогическая хроника российской эмиграции (по материалам журнала «Новик»): справочник / сост. О.Н. Наумов, С.А. Разумов. М., 2011.

Слуцкий 2005 – Слуцкий Б. О других и о себе. М., 2005.

Сорокина 2017 – Сорокина М.Ю. И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): к истории возвращения в СССР // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017. М., 2017. С. 114–128.

Тимофеев 2012 – Тимофеев А.Ю. Союз советских патриотов в Сербии // Родина. 2012. № 11. С. 17–19.

Тимофеев 2015 – Тимофеев А.Ю. Сопrotивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны //

Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14-15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 238–271.

Переписка 1989 – Переписка В.И. Иванова и И.Н. Голенищева-Кутузова / подгот. текста и коммент. А. Шишкина // *Europa Orientalis*. 1989. VIII. С. 481–489.

Штранге 1949 – *Штранге М.М.* Народное движение Сопротивления в Верхней Савойе в 1941–1944 годах // *Вопросы истории*. 1949. № 8.

Лобачев 1997 – *Лобачев Ђ.* Кад се Волга уливала у Саву, Београд, 1997.

Тимофејев 2012 – *Тимофејев А.* Савез совјетских патриота – антифашистичка организација руских емиграната у Србији 1941–1945 // *Токови историје*. (Београд). 2012. № 3. С. 257–277.